

21.9.95

Кара-Мурза Владимир

Общая раб. - 1995 -
21 сент. - с. 13

Ночные козыри потомка Карамзина

Программа НТВ «Сегодня в полночь» как бы ставит точку в потоке новостей уходящего дня и одновременно торит дорожку к информации дня наступающего. Этой программе нет еще и года, но у нее уже вполне оформившееся лицо, которое прежде всего определяют трое ее ведущих. С одним из них, Владимиром КАРА-МУРЗОЙ, беседует обозреватель «ОГ».

— Володя, вы не чувствуете себя дублером? К тому времени, когда вы выходите в эфир, телезрители уже в курсе всех новостей, вам лишь остается еще раз о них напомнить.

— Напротив, ночные новости для политического журналиста очень выигрышная и благодарная работа. Мы имеем значительные преимущества перед коллегами, есть возможность раскопать подробности информации, успеть ее проанализировать, раскрыть через столкновение мнений и позиций. Если в семи- и десятичасовых выпусках программы «Сегодня» выделяют новость дня, то мы акцентируем внимание на теме дня. С этой точки зрения, наша программа еще и аналитическая. В идеале, как «Итоги» подводят итоги недели, так мы стремимся подвести итог дня.

Еще один козырь, который нам дарит полночь: к этому времени выходят сигнальные экземпляры газет, и мы можем познакомить телезрителей с их главными темами. То есть здесь мы преподносим информацию даже раньше, чем сами печатные издания.

— Чем, на ваш взгляд, «Сегодня в полночь» с Владимиром Кара-Мурзой отличается от «Сегодня в полночь» с Александром Шашковым или Александром Герасимовым?

— Мне кажется, к новостным программам нельзя применять какие-то личностные критерии. Информация запоминается своей сутью, а не тем, кто и как ее препарирует, подавал или комментировал. Все внимание необходимо концентрировать на новости, а не на своей персоне или каких-то особенностях творческой биографии.

— То есть вы сторонник полнейшей беспристрастности и отстраненности ведущего?

— Точнее, объективности. Для информации, повторяю, это главное. Профессионализм политического журналиста в том, чтобы максимально объективно донести эти факты до зрителя, а судить, кто прав, кто виноват, вешать ярлыки, проливать слезы — не стоит. Тем более что время не всегда подтверждает первые впечатления.

— Но между тем из ваших передач складывается некоторое представление о ваших политических симпатиях. Вы на стороне оппозиции?

— Может быть, в силу своего образования и первой профессии (историк, преподаватель новейшей истории) я тяготею к тем людям и к тем сюжетам, за которыми стоит какая-то определенная судьба, история. Как некоторые мужчины находят что-то притягательное в женщинах с прошлым, так и мне особенно интересны политики с прошлым. Прежде всего оно есть у людей сталинской эпохи, хрущевских времен. Например, когда делал сюжет о заговоре против Хрущева, я встречался с тогдашним председателем КГБ Семичастным. Я знаю, что он травил Пастернака, что причастен к подавлению волнений в Новочеркасске, но он был задействован в событиях, которые

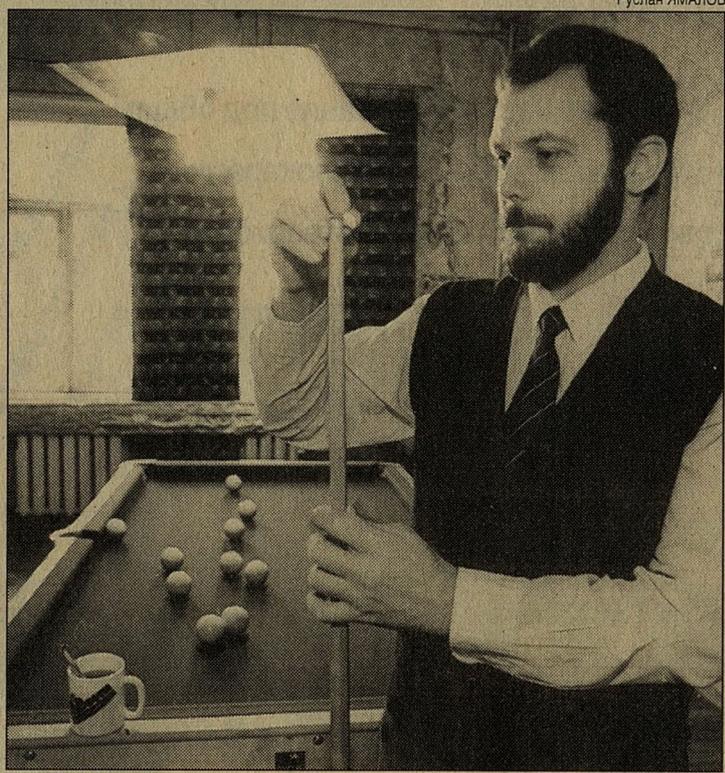
во многом изменили жизнь страны, и этим, считаю, он любопытен. Также я много общался с «путчистами» 91-го и 93-го годов, не раз интервьюировал бывшего спикера ВС Руслана Хасбулатова. Можно по-разному относиться к этим фигурам, но в какой-то момент все они принимали судьбоносные решения. Видимо, мой интерес к подобным героям и создает иллюзию, что я тяготею к людям из оппозиции. Хотя и к ныне действующим политикам подхожу с тех же пози-

рых не нам, а дай Бог, только следующему поколению удастся дорастить.

— Как же при таком философско-эпикурейском отношении к жизни вы занялись сугубо приземленным делом — политической журналистикой?

— Здесь нет никакого противоречия, напротив, скорее закономерность. Во-первых, политическая журналистика, как я уже говорил, позволяет сквозь призму истории взглянуть на современность.

Руслан ЯМАЛОВ

ций — что они творят историю. Мне вообще свойственно сверять любое событие с историческим процессом в целом. Такой исторический подход к новостям нередко позволяет спрогнозировать дальнейшее развитие той или иной ситуации.

— На телевидении вы всего три года. Что вы делали до этого?

— После окончания истфака МГУ распределился в Академию педнаук, одновременно преподавал в школе. Когда же как молодой специалист отработал свой срок, отовсюду ушел и десять лет не состоял ни на какой государственной службе. Просто для себя решил, что так при советской власти жить честнее. С утра я мог пойти в библиотечную, днем засесть в библиотеке, вечером встретиться с друзьями, коих у меня сотни по Москве. Очень много я тогда помогал своему отцу, он был главным редактором журнала «Преподавание истории в школе». А кроме того, с удовольствием втянулся в репетиторство. У меня была хорошая репутация в городе и ко мне всегда стояла очередь. Своих учеников я учил истории в двух трактовах — как надо отвечать на экзамене и как оно было на самом деле. В конце занятий это были уже законченные диссиденты.

Словом, я жил, как считал нужным. Так многие жили в XIX веке. Чем, к примеру, занимались в молодости друзья Пушкина Павел Нащокин или Сергей Соболевский? Ни у того, ни у другого не было профессионального статуса, но оба были хорошими людьми, за это их и любили. В моем представлении, в XIX веке жили люди не из прошлого, а из будущего, до кото-

Во-вторых, это увлекательная и к тому же коллективная работа, а я человек азартный и очень общительный. Но, конечно, это счастливые стечение обстоятельств, что я сразу попал редактором в программу «Итоги». Мне тогда было уже 33 года, для многих жизнь закончилась, а я для себя открывал новую стезю. Проходил в «Итогах» курс молодого бойца, был этаким сыном полка. Когда же образовалось НТВ, меня взяли туда уже на должность корреспондента, а 28 апреля я впервые вышел в эфир в качестве ведущего ночных новостей.

— В иерархии НТВ вы достигли одной из самых высоких ступеней — должности ведущего. Однако продолжаете активно работать и как рядовой репортер. Зачем вам это? Ведь вроде бы уже и не по рангу?

— Нельзя сказать, что я чего-то достиг, у меня нет никаких амбиций, я всем был доволен в жизни еще давно и ни к каким номенклатурным постам не стремился — просто сегодня у меня интересная работа. Это даже не столько моя заслуга, сколько мера доверия, которую оказали мне коллеги, — не знаю, заслужил я это или нет.

Принято считать, что, когда журналист становится ведущим программы, ему уже вроде бы не солидно самому делать какой-то сюжет, ездить в командировку. Но мне кажется, я не настолько забурел в кресле ведущего, чтобы отказываться от репортерской работы. Пусть я сделаю даже небольшой материал, но в своем духе, в своем ключе. Думаю, моему экранному образу это несколько не повредит, напротив.

Я никогда не гнушаюсь черновой работы, например, люблю про-

сматривать видеоматериал, снятый моими коллегами, даже то, что не вошло в сюжет, рыться в видеоархивах. В принципе ведущий может этого и не делать, но мне интересно. Я ищу для себя зерно какой-то информации, конфликта. Подобные поиски — тоже азарт, своего рода наркотик. Нередко так случайно находишь никем не замеченные подробности, неожиданный поворот темы. Например, недавно все новостные программы показали абсолютно миролюбивый сюжет с пресс-конференции председателя Конституционного суда Владимира Туманова. Мы же из неиспользованного материала вытащили несколько эпатазирующих фраз Туманова относительно судьбы закона о Совете Федерации и развернули тему в совершенно новом направлении. Из этого получилась целая история, которая имела затем продолжение в Конституционном суде.

— Ваш час пик наступает в полночь. Физически не тяжело работать в таком режиме?

— Когда-то я был заядлый преферансист, а в преферанс, известно, играют ночи напролет. С понедельника по пятницу — как один большой рабочий день, тут уже не приходится считать, сколько ты спал. С 10 утра я смотрю и слушаю все новостные программы, а дальше уже пошел конвейер информации. Правда, порой после ночного выпуска со всей его стрессовой ситуацией чувствуешь, что не хватает клеток головного мозга.

— У вас дома я насчитала три телевизора, но все старые черно-белые. Странно, чтобы ведущий новостей не имел современной техники.

— Считайте, что это принцип. Такая техника очень организует и дисциплинирует, переключать программы, прибавлять звук — занятие серьезное, это не то что бегать пульсом по программам. Может, кому-нибудь покажется несовременным и то, что я ни разу не был за границей. Видимо, у меня нет такой внутренней потребности, я очень люблю свой город, свой старый Басманный район, свой дом...

— Володя, вам случайно не говорили, что вы внешне чем-то похожи на Николая II. Вы сознательно подчеркиваете это сходство?

— Это еще в программе «Итоги» подметили, надо мной с тех пор все смеются, я же воспринимаю как анекдот. Но сбривать бороду и менять свой внешний облик лишь из-за иронии окружающих, считаю, глупо, пока так похожу. Между прочим, наш род не менее старинный, чем род Романовых. Мы происходим от татарского князя Кара-Мурзы, который в очень давние века поступил на службу к русскому царю, принял крещение и получил земли в Нижегородской губернии вместе с дворянским титулом. Среди моих предков историк Николай Михайлович Карамзин. Мой дедушка был присяжный поверенный и одновременно театровед, у него был литературный салон, известный на всю Москву, где собирались Брюсов, Кузмин, Гиляровский, Леонид Андреев. А дедушка по маме был латышский стрелок, большевик, его в 37-м репрессировали. Я очень трепетно отношусь к истории нашей семьи, надеюсь, это передастся и моему сыну Володе, который сейчас учится в 9-м классе. Словом, род продолжается.